

ПОХОТЬ НАБОКОВА

Кладов М. Н.

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Аннотация. Автор рассматривает мотивы похоти, как разновидности эротизма в англоязычных произведениях В. Набокова.

Ключевые слова: проза В. Набокова, похоть, поэтика эротизма.

Анотація. Кладов М. М. Хіть Набокова. Автор розглядає мотиви хіті, як різновиду еротизму в англійських творах В. Набокова.

Ключові слова: проза В. Набокова, хіть, поетика еротизму.

Summary. Kladov, M. N. *Nabokov's Lust*. The author studies the motives of lust as a representation of eroticism in some of Nabokov's English works.

Key words: V. Nabokov's prose, lust, poetics of erotica.

More tell me, more still!! On the top of the Howth tram alone crying to the rain: Naked women! *naked women!* What about that, eh?

James Joyce *Ulysses*.

«Так-с, первая сальность»

В. Набоков «Лолита».

В 1971 году вышла монография Уильяма Роу «Обманчивый мир Набокова» (Rowe, William Woodin: *Nabokov's Deceptive World*. N. Y.: New York University Press, 1971). Набоков ответил на эту работу резкой и едкой статьей. Гнев его вызвала одна часть работы озаглавленная «Сексуальные манипуляции» («Whilst I have no great quarrel with the first two, entitled «A Touch of Russian» and «Nabokov as Stage Manager», I must protest vehemently against a number of indecent absurdities contained in the third part, entitled «Sexual Manipulations»»¹). В лучшем случае, это на редкость смешная часть (недостаточное знание русского языка, низкопробный фрейдизм, сомнительные символы и удручающий способ исследования – сначала сделать вывод, а потом упорно натягивать на него доказательства). Несмотря на плачевный результат, Уильям Роу одним из первых обратил внимание на немаловажный аспект Набоковского творчества².

В 1996 году выходит книга Maurice Couturier «Цензура и роман» (*Roman et censure, ou la mauvaise foi d'Eros*. – Seyssel: Champ Vallon, 1996). Одну из глав этой работы автор посвящает исследованию того, что он называет поэтико-эротической литературой, и его жертвами оказываются

¹ С русским переводом ответной статьи Набокова можно ознакомиться по *Набоков В. В.* Американский период. Собрание сочинений в пяти томах. – СПб.: «Симпозиум», 1999. (Т. 4) С. 603 – 606. Или по Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. – М.: Издательство Независимая Газета, 2002. С. 610 – 613.

² Кстати после смерти Набокова у Роу вышли еще две интересные работы: *Nabokov and Others: Patterns in Russian Literature*. Ann Arbor, MI: Ardis, 1979. и *Nabokov's Spectral Dimension*. Ann Arbor, MI: Ardis, 1981

два романа Набокова «Лолита» и «Ада». Maurice'a Couturier интересуется взаимоотношение «самоцензуры» Набокова и его эротических вольностей. Всеми способами автор работы пытается показать, что Набоков не просто «утонченный порнограф» для которого поэтическая сторона дела просто оправдание [<http://www.libraries.psu.edu/nabokov/coutur2.htm>]. Couturier пишет о «Лолите»: «Поэтический элемент не является просто алиби, но это причина существования (*raison d'être*) этого романа» [<http://www.libraries.psu.edu/nabokov/coutur1.htm>]. Анализируя эпизоды из «Лолиты» и «Ады», Couturier показывает насколько они мало соотносятся с психоаналитическим толкованиями (почему-то используя как образец толкования «Символический обмен и смерть» Бодрийяра). Хотя странно – Couturier любовно выискивал то, что он называет «самый эротический пассаж романа», «самая эротическая сцена романа», он говорит о том, что читатель, благодаря изощренной манере письма Набокова, добровольно подчиняется, моральным правилам, предлагаемым автором, как бы примиряясь со склонностью к педофилии. Тщательно сравнивая Набокова с «порнографическим модусом» существования литературы Couturier, показывает, что Набоковская сложность, метафоричность, перенесение внимания с объекта страсти на субъект этим его и отличает. По сути, выходит так, что Набоковская проза (в «Аде» и «Лолите») в общем-то неприлична, но на ней столько всего красивого надето, что это становится поэтико-эротично.

Если бы мы ставили целью оспаривание позиции Couturier, то не составило бы особого труда доказать, что Набоковские романы, в предложенной самим Couturier классификации (порнографический, комический, иронический, дидактический, поэтико-эротический) занимают промежуточное место между ироническим модусом и поэтико-эротическим, определенно склоняясь к первому (где ему отличную компанию составят исследуемые Couturier «Госпожа Бовари» и «Улисс»).

«My teens, on the other hand, could have yielded, and in fact did yield, quite a number of erotic passages scattered like rotting plums and brown pears throughout an aging novelist's books» [Nabokov, 1995 г, 15], пишет рассказчик в «Посмотри на арлекинов». Интересно, что Набоков применил именно эту метафору. Сравнение «неприличных» мест в своих романах (старейший романист) с гниющими фруктами, оценка негативная и несколько пренебрежительная. Но проблема в том, что Набоков посвятил этот свой роман (последний) своеобразному переосмыслению своего творчества, обыгрыванию и игре в обыгрывание своих собственных литературных приемов. В этом случае необходимо вспомнить, насколько важен у него образ бабочки (важен настолько, что многие набоковеды худо-бедно начинают осваивать азы лепидоптерологии). Необходимо вспомнить, как Набоков в своих произведениях подчеркивал, что некоторых чешуекрылых привлекает пикантный запах гниения, что одна из самых часто появляющихся у него героинь – бабочка-нимфалида *Vanessa atalanta* (староанглийское

название The Red Admirable) в конце лета кормится на гнилых фруктах. Гниение и бабочки. В английском языке слово «rotten» (гнилой), как известно, обладает значением не только материально, но и нравственно испорченного (порочный, порченный). Обратим внимание на то, что Ван Вин, рассказчик в «Аде», вспоминает об ученых возбуждающихся при чтении запретных романов, насыщенных скабрзностями, собственно при чтении «Ады» (да Ван Вин предполагает нам подобных): «For the sake of the scholars who will read *this* forbidden memoir with a secret tingle (they are human) in the secret chasms of libraries (where the chatter, the lays and the fannies of rotting pornographers are piously kept)» [Nabokov, 1989, 220].

Итак, мы пойдем по запаху. Где легкий пикантный душок, там должны быть и бабочки. Юный Набоков, чтобы приманить ночниц (бабочки, а не проститутки), обмазывает стволы деревьев смесью патоки, пива и рома. Представим, как это пахнет.

Зачастую герои Набокова ориентируются в женщинах по запаху, не по эфемерным феромонам, а именно по откровенному *запаху женственности*. Будем педантичными учеными – в данном случае уже нельзя говорить об «эротизме». Писатель Вадим Вадимович, рассказчик в «Посмотри на Арлекинов» отвергает красавицу («beautiful Lyuba»), влюбленную в него, разбирающуюся в литературе, великолепную машинистку; он даже не попытался «гнусным образом» воспользоваться женщиной разок, ни малейшего приступа желания («twinge of desire»), хотя Вадим Вадимович тип довольно «развратный» (как и многие, многие писатели у Набокова). Отвлек его запах: «natural smell of a Russian maiden's seldom bathed body» [Nabokov, 1995 г, 46]. Он откровенно предпочитает этой замечательной женщине, свою глупенькую горничную, ведь она трижды в день моется с мылом: «Rose Brown, our cute housemaid who took three soapshower daily and thought frilly black panties «did something to guys»» [Nabokov, 1995 г, 85]. В «Бледном пламени»: «Zemblan mountain girls are as a rule mere mechanisms of haphazard lust... As soon as she had settled beside him, she bent over and pulled over and off her tousled head the thick gray sweater, revealing her naked back and *blancmange* breasts, and flooded her embarrassed companion with all acridity of ungroomed womanhood» [Nabokov, 1992, III] – отточенный, великолепный пассаж: сначала подчеркивается соблазнительная доступность «юной горянки», появляется

¹ Строго говоря нам неважно, что сам автор, сам Набоков, судя по всему не испытывал недостаток в обонятельных фобиях: в интервью Джеймсу Моссмену «Which is the worst thing men do? N: To stink, to cheat, to torture» (см. русский перевод этого интервью в Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. – М.: Издательство Независимая Газета, 2002. С. 291.). В данном случае мы следуем хорошему примеру – ставим диагноз только текстам, но не автору (когда педантичная ученость совершенно не требует обратного).

«бланманже грудей» и вот созвучные друг другу, но непривычные в подобном сочетании «ungroomed» и «womanhood». Подобное же в цитированной выше фразе о «beautiful Lyuba» – четкие, но намеренно не акцентированные аллитерации, скромные ассонансы, эта фраза превосходно (с именно художественной точки зрения) звучит, хотя речь идет о неприятном для рассказчика запахе не весьма чистоплотной женщины¹.

В «Аде»: «oh, they positively stank, you know, your little shorts of lavendered Ada, and her catfood, and your caked algarroba!» [Nabokov, 1989, 373] – резкий запах только что имевшего места секса и череда дерзких сравнений; Набоков целым букетом метафор («лавандовая Ада», «кошачья миска», «запекшийся рожок») передает и запах и «посткоитусное» состояние женских и мужских половых органов. Это один из принципов творчества: хочешь говорить точно – говори метафорами. Физиологизмы и вульгаризмы не описывают все настолько аккуратно, настолько ощутимо, они во многом замкнуты на самих себя, они репрессируют означаемое и именно поэтому лишены образности, и именно поэтому порнография – спаривание шаблонов в шаблонном мире без цвета и запаха. Набоков описывает мир, описывает секс и человеческие запахи намного оощутимее, точнее порнографии, но интригует, *возбуждают* читателя уже стилистические приемы автора, его углубление в метафору и эстетический пласт языка.

Гумберт Гумберт вспоминает: «мутно розовых несовершеннолетних горничных у нас в Европе (пахнувших крошеной ромашкой и потом), да тех очень молоденьких блудниц» (в английской «Лолите» использовано более содержательное «harlots») [Набоков, 1999, т. 2, 59] – характеристика цвета, запаха и нравственная, яркий образ, нанесенный одним мазком (ну это только так говорится, неизвестно сколько усилий он потребовал от автора).

Снова к «Аде», в ней Ада замечает, что молодых леди «вдыхают» (inhale, hument), только в любовных французских романах [Nabokov, 1989, 114]. Что ж «Ада», в какой-то степени и есть отменный огромный любовный роман насыщенный тем, что называют эротикой и непристойными каламбурами.

Флобер пишет своему другу Луи Буйе: «От чего исходить и куда идти. Мы усердно лапаем, томно вздыхаем, не спеша оглаживаем, но постараться сделать ребенка! увы!» [Флобер, 1984, Т.1, 127]. Как ни странно Флобер имеет ввиду литературу, трудности создания художественного произведения. Можно обнаружить массу сексуально окрашенных метафор в размышлениях о литературе в его богатом и интересном эпистолярном наследии. Нам Флобер интересен как своеобразный литературный предшественник Набокова (близкий ему по эстетическому восприятию литературы, по маниакальному поиску «точного слова» («mot juste»)). Через некоторые моменты у Флобера мы попытаемся явственнее проблематизировать интересующий нас аспект творчества Набокова. Флобер пишет своей «подруге» Луизе Коле: «Муза – девственница с плевой из бронзы, надо быть ох каким хватом, чтобы...» [Флобер, 1984, Т.1, 112].

Набоковский рассказ «Хват» – весьма броская зарисовка о той похоти (эротике, сексе), которую он отрицал (стилистически, эстетически, художественно). Элементарный мужчина в элементарной ситуации соблазняет простейшую женщину (поезд, незнакомка, «аромат коммерческого путешествия») и мало интересный для нашего исследования сюжетный ход в конце. Рассказ выстроен от первого лица, от лица «элементарного» Костеньки. Тщательное перебирание шаблонов (тех самых) в голове у Костеньки – «Боже мой, как хочется поиграть в феерически освященном номере с золотистым, грациозным чертенком... Зеркала, вакханалия, пара шнапсов» [Набоков, 1990, 357], «Что лучше: опытность интересной тридцатилетней брюнетки или глупая свежесть золотистой егозы?» [Набоков, 1990, 358]. Как результат – «метафоры все до единой ублюдочны» («Грудь, как два поросеночка»), стиль интересен как пародия, но сам по себе, более, чем бесцветен. Обратим внимание – Костенька оказывается не в состоянии толком пожать плоды своей победы (а вот об этом отличная фраза: «и все произошло очень неудачно, неудобно и преждевременно»). Подобная похоть, подобным образом оформленное желание для Набокова всегда немощно, всегда неудачно и смешно. Вспомним, что в «Лолите», ставиться под сомнение половая сила такого сатира, как Клэра Куилти ¹. В какой-то степени он художник отсюда «совершенный монстр в половом отношении», в то же время он достаточно банален и вульгарен – «Я должен пестовать свою импотентность». Все размыто и двойственно. То, что нам нужно едва светится. В «Приглашении на казнь» совершеннейший пошляк и слащавый убийца мсье Пьер, несмотря на свое хвастовство, оказывается настолько же немощным, как и Костенька.

«The poet like a fiery rooster seems to flap his wings» [Nabokov, 1992 a, 201] – почти тоже, что мы видели у Флобера. Стиль Набокова изощрен таким образом, чтобы намекнуть на ту *похоть*, что художник испытывает по отношению к слову. «I could distinguish the expression of passionate interest, rapture and reverence, with which he followed the images wording themselves in his mind» [Nabokov, 1992 a, 69]. У Вана Вина в «Аде» первый раз по-настоящему разыгрывается похоть к его возлюбленной, когда он «анализирует» стиль ее речи: «Her spectacular handling of subordinate clauses, her parenthetic asides, her sensual stressing of adjacent monosyllables («Idiot Elsie simply *can't read*») — all this somehow finished by acting upon Van, as artificial excitements and exotic torture-caresses might have done, in an aphrodisiac sinistral direction that he both resented and perversely enjoyed» [Nabokov, 1989, 67] – опять же на редкость оточенные строки и вожделение

¹ «Как ни грустно, но я, знаете ли, импотент» [Набоков, 1999, т. 2, 363], пусть Клэр-Дромадер и пытается оправдаться перед Гумбертом Грозным, но, строго технически, Куилти «разваливается от наркотиков», а в местах, где Набоков пародирует фрейдизм, встречаются «красные, непристойно торчащие, спортивные автомобили» Клэра Куилти (компенсация).

вызываемое придаточными предложениями, именно ими. Набоков без устали подчеркивает в «Аде» условность, литературность всего происходящего, и в цитированном эпизоде отчетливо видно, что инцестуальную похоть Ван испытывает к стилю, к тому мастерству, с которым Набоков описал его сестру.

Сам Ван Вин (в чем-то шаблон) порой напоминает актера порнофильма (Набоков любовно подчеркнул физические габариты Вана), а «Ада» мечту экранизации для Клэра Куилти – масса теней, полутеней, миражей, секса, каламбуров, похлопываний по девичьим ягодицам и еще каламбуров. Но в этом месте необходимо вспомнить о вышеупомянутой условности, о том, что «самые откровенные» части романа выписаны совершенно герметичным стилем, стилем, наслаждающимся самим собой, любая оргия превращается в оргию аллитераций («orgy of epithelial alliterations» [Nabokov, 1989, 20]), или в «anthological preambulations» [Nabokov, 1995 a, 99]. Это игра в скрэбл – простенько и забавно, что «lust» (похоть) совсем как «slut» (потаскуха); куда интересней, чем шаблонные постанывания похотливых потаскух.

«Ну какое имеет значение, что кто-то..., а кто-то не..., господи боже мой! У классиков были рогносцы, это штука веселая. Романтики выдумали адюльтер – то была вещь серьезная. Пора бы уже натуралистам относиться к сему акту как к чему-то не имеющего значения» [Флобер, 1984, Т.2, 249] и еще: «На мой взгляд, слишком большое значение придается тому, что господа медики на своем изящном жаргоне именуют «мочеполовыми органами» [Флобер, 1984, Т.1, 64-65] – для Флобера все это лишь прием, один из приемов стиля. Так и для Набокова: «Не талант художника является вторичным половым признаком, как утверждают иные шаманы и шарлатаны, а наоборот: пол лишь прислужник искусства» [Набоков, 1999, т. 2, 318]. Sex может дать череду изощренных точнейших метафор: «He thrust his hands into the warm vulvas of her mole-soft sleeves» [Nabokov, 1989, 386]. Фраза работает сразу на нескольких уровнях: отсылает к внутренней структуре произведения (к детским играм, к воспоминаниям), подчеркивает болезненную, жестокую «двусмысленность» отношений между мужчиной и женщиной (между Ваном и Люссетой), с «чистых» эстетических позиций – превосходно звучит, и не потому ли использовано «vulvas», что оно превосходно сочетается со «sleeves».

С каким дотошным изяществом Набоков порой пускается в описание «портативного мужского зоосада»: «a man's portable zoo, a symmetrical mass of animal attributes, the elephant proboscis, the twin sea urchins, the baby gorilla, clinging to my underbelly with its back to the public» [Nabokov, 1995 г, 12] и «all that intricate, reluctant multiple machinery» [Nabokov, 1989, 79]. Очарование расслабленных мужских половых органов. Их интимность передается аллитерацией. Очарование не дискурсом утилитарного их предназначения, вся эта «машинерия» не для акта любви, хотя и в этом

отношении будет пригодна.

«Ягодицы», «задки», «попки» – их ощупывают, по ним игриво похлопывают, их ласкают. Их просто разглядывают: «fig-picking, peach-buttocked nymphets straining upward, or else rock-climbing girl scouts in bursting shorts» [Nabokov, 1989, 114]. Вадим Вадимович из «Посмотри на Арлекинов!» (он уже имел дело с «two ravishing wiggly-bottomed Bermudian coeds» [Nabokov, 1995 г, 51]) узнает, что его любимая дочь тяжело больна и вообще находится в «ужасной стране», но успевает «perfunctorily patted Rose's young buttocks through her light skirt» [Nabokov, 1995 г, 77]. Опять «rotting plums» и опять же прилетают уже набившую оскомину бабочки. Снова поиграем в скрэбл – «buttocks» (ягодицы), необходимо только несколько букв и получаться «butterflies» (бабочки). Скрэбл (как и литература) – игра, в которой слова играют между собой, где слова значимы и нужны друг другу, но лишь в том случае, если вы правильно их друг к другу «приделаете».

Что на самом деле значат значимые друг для друга слова. Непристойности и сальности распалют читателя, ну что ж: «Some nuts get a kick from motor-bikini comics» [Nabokov, 1989, 405].

Стиль замыкается сам в себе, язык, заключенный в стиль лишается большей части своих прав, у него появляются новые – права и обязанности заключенного. Схваченное стилем слово, стиль фундирует в себе и для себя. Старый денотат остается, но он за пределами стиля, слово заставляют звучать, нивелируя означаемое, хотя он сам по себе еще пытается докричаться до заключенного (и прямой пособник этого – читатель). Язык в стиле является маргиналом по отношению к этике, такту, этикету и супружеской верности.

В самом конце Адам Круг понял, что «death was but a question of style» [Nabokov, 1995 а, 148], как и его незавершенное, но сладостное совокупление с одной веселой похотливой девушкой.

Литература:

1. Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в пяти томах. – СПб.: «Симпозиум», 1999.
2. Флорбер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984.
3. Nabokov V. Ada. – L.: Duckworth, 1989.
4. Nabokov V. Pale Fire. – L.: Everyman's Library, 1992. 1992a
5. Nabokov V. Lolita. – L.: Everyman's Library, 1992. 1992b
6. Nabokov V. Bend Sinister. – N. Y.: Garland, 1995. 1995a
7. Nabokov V. The Real Life of Sebastian Knight. – N. Y.: Garland, 1995. 1995b
8. Nabokov V. Transparent things. – N. Y.: Garland, 1995. 1995в
9. Nabokov V. Look at the Harlequins. – N. Y.: Garland, 1995. 1995г
10. <http://www.libraries.psu.edu/nabokov/coutur1.htm>

Надійшла до редакції 15.02.2007